

СТИХОТВОРЕНИЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

НЕ ВОШЕДШИЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ

ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ Ф. ШНЕЙДЕРА

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG
(E. BOCK)
27, UNTER DEN LINDEN.
1868.

Bisher nicht gedruckte Gedichte von **Lermontoff**

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАШЕ

ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ Ф. ШНЕЙДЕРА

БЕРЛИГЪ 1862.

FERD. SCHNEIDER,

(Victoria-Strasse 11).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предлагаемомъ изданіи собраны *все намѣ известныя* стихотворныя произведенія М. Ю. Лермонтова, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій, приведенное въ порядокъ и дополненное г. Дудышкинымъ и отпечатанное имъ въ 1860 году въ Петербургѣ.

Изъ числа стихотвореній, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе сочиненій Лермонтова, девять („Ты зналъ ли край подъ знойными лучами . . .“, Къ Пеэръ, Предсказанье, Могила войца, Баллада, Петергофскій праздникъ, Уланша, А. А. Ѳ . . . . у и 10 июля 1830 года)

являются здѣсь въ первый разъ, а четыре („Склонись ко мнѣ красавецъ молодой!...“, Монго, Казоть и „Увы! какъ скученъ этотъ городъ!...“) — въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Остальныя — перепечатаны изъ разныхъ періодическихъ изданій безъ измѣненія. Кроме того, въ „Библиографической статьѣ“, помѣщенной въ концѣ нашей книжки, читатель найдетъ всѣ мѣста, запрещенныя русской ценсурой при печатаніи послѣдняго изданія „Сочиненій Лермонтова“.

Но, несмотря на все наше желаніе сдѣлать свое изданіе какъ можно болѣе полнымъ, мы не могли добыть одного стихотворенія Лермонтова, о существованіи котораго слышали отъ нѣмецкаго поэта Боденштета, знавшаго Лермонтова лично и читавшаго помянутое стихотвореніе въ альбомѣ г. Библикова, гдѣ оно написано рукою самого Лер-

монтова. Г. Бибииковъ почему-то не позволяетъ списывать стихотворенія, хотя и не отказываетъ желающимъ его прочесть. Это обстоятельство побудило г. Боденштета, переводившаго тогда Лермонтова на нѣмецкій языкъ и обладающаго хорошею памятью, перевести помянутое стихотвореніе *на память*. По этому — стихотвореніе, состоящее изъ шести строфъ и напечатанное на 27 страницъ 2-ой части изданія г. Боденштета: „Kleine Betrachtungen“ — есть скорѣе вольное подражаніе стихотворенію Лермонтова, чѣмъ переводъ. Кстати скажемъ, что заключительныя строфы стихотворенія: „Сказка для дѣтей“, помѣщенныя въ томъ же изданіи г. Боденштета, тоже не переводъ: они написаны самимъ Боденштетомъ, слыхавшимъ сюжетъ этой неоконченной піесы отъ самаго Лермонтова.

VIII

Кромѣ того, въ наше изданіе не вошли три весьма слабыхъ стихотворенія, приписываемыя Лермонтову и помѣщенные въ „Сборникъ Литературныхъ Статей въ пользу семейства А. Ф. Смирдина“, изъ которыхъ одно, доставленное г. Щербиною, совершенная бессмыслица.

Л. Л. Л.

БЕРЛИНЪ, $\frac{2}{14}$ сентября 1862 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

**ЦѢЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ
ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ
ЛЕРМОНТОВА“.**

ЦЕВНИЦА.

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и грацій,
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной;
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струился ароматъ; шумя съ прибрежной ивой,
Шутилъ подъ часъ зефиръ и рѣзвый и игривый;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь.
Сокрылось все теперь! Такъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь; но ты осталась мнѣ —
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ —
О, милое души святое воспоминаье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ тѣхъ дней, когда страданье

Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ,
Мое веселіе ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цевницей!

1828.

П А Н Ъ.

(Въ древнемъ родѣ.)

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшись лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями развѣсистой рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ,
И пляшутъ вокругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединеньѣ
Является, ведя святое вдохновеньѣ:
Главу рогатую даскаетъ легкій хмѣль;
Въ одной рукѣ его стаканъ, въ другой свирѣль;
Онъ учитъ пѣть меня — и я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829.

---

* * *

Ты зналъ ли дикій край подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтуть?
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ?
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями?

И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣдей —
Другъ! этотъ край . . . моя отчизна!

1829.

КЪ НИНЬ.

(Изъ Шиллера.)

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья прошлаго мечта!
На одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота . . .
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.

Пусть навѣкъ съ златымъ мечтаньемъ —
Пусть тебѣ глаза закрыть . . .
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить;
Но, увы! ты любишь свѣтъ:
И любви моей какъ нѣтъ!

· Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?

Бури свѣта — волноваье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умереть небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?

1829.

ПЕРЧАТКА.

(Изъ Шиллера.)

Вельможи толпою стояли
И, молча, зрѣлища ждали;
Межь нихъ сидѣль
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣль.

Вотъ — царскому знаку внимають:
Скрипучую дверь отворяють —
И левъ выходитъ стеной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ,
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой —
И, всѣхъ обзрѣвъ,
Ложится левъ.

И царь махиулъ снова —
И тигръ суровый
Дикимъ прыжкомъ
Влетѣлъ опасный,
И, встрѣтясь со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходить —
Глазъ кровавыхъ не сводить;
Но — рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчить и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.

Съ верху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четюю.

И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
„Рыцарь, пытать я сердце люблю!
„Если сильна такъ любовь у васъ,
„Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
„То подымите перчатку мою.“

И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжить —
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ —
И смѣлой рукой подымаетъ.

И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи.
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ,
И иѣжный, пылающій взглядъ —
Недальняго счастья закладъ —
Съ рукою дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
„Благодарности вашей не надобно мнѣ!“
И гордую тотчасъ покинулъ.

1829.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛКѢ.

(Изъ Шиллера.)

Счастливъ ребенокъ! — и въ люлкѢ просторно
ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ — и тѣсенъ покажется мѣръ.
1829.

ВСТРѢЧА.

(Изъ Шиллера.)

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла . . .
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой . . .
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ тотъ мигъ чудесный
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою . . .
Я звукъ нашолъ, дотолъ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю.
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно —
И вмигъ они расторгли цѣнь свою,
Въ ней вспыхнули забытые видѣнья
И страсти юныя и вдохновенья . . .

КЪ *.

(Изъ Шиллера.)

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь —
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь:
На кой мнѣ чортъ душа твоя?

1829.

БАЛЛАДА.

(Подражаніе Шиллеру.)

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ,
И, къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:

„Достань ожерелье — спустися на дно:
„Сегодня въ пучину упало оно.

„Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!“
Вскипѣла лихая у юноши кровь,

И умъ его обнялъ невольный недугъ:
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.

Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся и мчатся назадъ,

И снова приходятъ и о берегъ бьютъ —
Вотъ милаго друга онъ принесуть!

О, счастье! — онъ живъ: онъ скалу охватилъ...
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ...

Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ...
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ.

— Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя?

— По слову спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно...

— Возьми! — И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.

Отвѣтъ былъ: „О, милый! о, юноша мой!
„Достань, если любишь, коралль дорогой!“

Съ душой безнадежной молодой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль коралль иль конецъ.

Изъ бездны перловыя брызги летять,
И волны тѣсняются и мчатся назадъ,

И снова приходятъ и ò берегъ бьютъ,
Но милаго друга онъ не несуть.

1829.

КЪ НЕЭРЪ.

Скажи, для чего передь нами
Ты въ кудри влетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой —
Прелестной, минутной какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудеть
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Неэру оно обойдетъ.
Ужь ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ

Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О! лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
„Кто былъ этой дѣвы милѣе?
„Кто раньше ея умиралъ!“

1830.

ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Настанетъ годъ — Россіи черный годъ —
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невиинныхъ жонъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить . . . . .
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать . . .
И станетъ голодъ бѣдный край терзать,
И зарево окраситъ волны рѣкъ:
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь — и поймешь
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя! . . . твой плачь, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ . . .

4830.

МОГИЛА БОЙЦА.

Онъ спить послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спить послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дѣрнъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшались съ землей . . .
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей круговой . . .

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Волнъ, бьющихся у скалъ;
Уста — любимицы бесѣдъ —
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ

Блѣднѣль, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь — движенья не боюсь —
Ползеть черезъ чело.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слетался на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Неразь ужъ пѣлъ объ немъ —
Но пѣснь — все пѣснь, а жизнь — все жизнь!
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ. . . .

1830.

БАЛЛАДА.

(Изъ Байрона.)

Берегись! берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ:
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ nocturno,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда мавръ иришоль въ нашъ родимый долъ,
Оскверняячи церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ чернецовъ,
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла (я слыхаль не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить),
Когда возвратился тѣхъ мѣсть господинъ,
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ, но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ неразъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сынъ — онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда жь прекратился сей родъ —
Онъ по звучнымъ полямъ, при блѣдной лунѣ,
Бродилъ и взадъ и впередъ . . .

1830.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятыхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь — и страха все не превозмогъ . . .
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою . . .
Что деньги? Я тебя люблю! люблю!

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна —
И мимо ты идешь, бывало . . . да!
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ . . .
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ —
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ

Проступокъ не безчестье, но — позоръ?
Повѣрь: невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та — одного, та — многихъ, эта — всѣхъ . . .

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья лѣтъ младыхъ
И даже не гордилась красотой.
Въ пятнадцать лѣтъ — по волѣ злой судьбы —
Я продана . . . мужчинѣ Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня . . .
Съ-тѣхъ-поръ я гибну, гибну день отъ дня!

Мнѣ миль мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ . . .
О, наслаждайся! Ты мой властелинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ-быть,
Меня въ своихъ объятыхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя.
Мой другъ! чего не вынесешь любя!

1830.

---

* * *

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ!
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ?
Или большія очи? — Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ — никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадоны — и мадоны Рафаэля —
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали
И грудь, волнуясь, поцалуи звала . . .

. . . . .

ЭКСПРОМТЪ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы . . . все три, а не четыре!

1830.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ,
Отъ нея рассыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не лстись, и ловить берегись:
Обманчивы лучъ и волна!
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдешь — и заблещетъ она.

Свѣтлой радости такъ безпокойный прпзракъ
Насъ мѣнитъ подъ хладною мглой;
Ты къ нему — онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя;
Ты обмануть — онъ вновь предъ тобой!

1830.

КЪ Е. А. СУШКОВОЙ.

**И такъ прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожить такъ жестоко грудь мою.
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ-быть — какъ знать — въ послѣдній разъ.**

1830.

---

* * *

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mou coeur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît,
Je maudis et je prie
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé parâit vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!

РАСКАЯНІЕ.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?
Она была добра къ тебѣ —
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безмысленный, ты обладалъ
Дуною чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ незараженной —
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшилъ зародить
И — долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной;
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій илачь любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость;
Взаимной страстью веселя,
Безъ утѣшенія томя,
Пройдетъ и жизнь твоя какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтилъ ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ;
Не то, ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврата:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

1830.

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ!
Я здѣсь! стою близъ моря на скалѣ;
Стою, задумчивость питаю,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатка рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный;
Семья безпечная сидитъ вокругъ огонька,
И впемя повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ. Душой
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой . . .
И что жь! слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь.
Года погибшіе являются всечасно

И этот взоръ задумчивый и ясный . . .
Твержу, твержу душѣ: забудь! . . .
Онъ все передо мной — я все твержу напрасно.
О, еслибъ я въ семь мѣствъ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность, —
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ!
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность.
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ млыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала!
Кто чувствовалъ какъ я, чтобъ чувствовать страданья!
Кто рано свѣтъ узналъ, и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!

1830.

КЪ КН. Л. Г — ОЙ.

Когда ты холодно внимаешь
Разкажамъ горести чужой
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящiе наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ воспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
„Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтъ дней!
Но не завидуй: ты не будешь

Довольна этимъ, какъ она;
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для другихъ не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донинѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась —
Погибнуть ей не суждено!“

1831.

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка,
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды! вы ясны, какъ счастье мое!
„Чѣмъ ты несчастливъ?“
Скажутъ мнѣ люди.
— Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо —
Звѣзды и небо, а я — человекъ!
Люди другъ къ другу
Зависть питають,
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ и прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы желалъ.

1831.

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ.
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
То въ немъ и умереть.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ;
Когда я свои презираю мучепья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я-бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!

Намъ намять являетъ ужасныя тѣни
Кровавый былago призракъ,
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловець — безъ надеждъ воротится —
Жалѣеть о краѣ родномъ.

1831.

---

28 СЕНТЯБРЯ.

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!

Я говорилъ съ тобой!

И мнѣ былое, взятое могилой,

Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему? другой лобзаетъ эти очи

И руку жметъ твою:

Другому голосъ твой во мракѣ ночи

Твердить: „люблю, люблю!“

Откройся мнѣ: ужели непритворны

Лобзанія твои?

Они правамъ супружества покорны,

Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ: ты родилась

Для пламенныхъ страстей:

Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепеть потаенный
Въ присутствіи твоёмъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ моленьемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами —
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!... ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастьемъ,
И нѣжной, какъ любовь.

1831.

ПЕТЕРГОФСКИЙ ПРАЗДНИКЪ.

Киитъ веселый Петергофъ;
Толпа по улицамъ пестрѣтъ;
И печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пуствѣтъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта —
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета:
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,

Колеты кираспръ мучные
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ нарчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки.
Старухи, франты, казаки,
Глуновъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ шукарей
. . . . .
Толпы прѣзжихъ нноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ,
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ
И долговязыхъ англичанъ —
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ
И сверху ярко освѣщалось
Огнями сткляпокъ расписныхъ.

Гурьбу товарищей нокипувъ,
У мѣста Бибнковъ стоялъ,
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный мечталъ
О бѣлыхъ . . . . .
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный.

Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ и чешетъ онъ . . . . .
„ . . . . . два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!
Нѣтъ! видишь, гонятъ какъ скотину:
Ступай-де въ садъ, да губъ не дуй,
. . . . . натяни лосину,
Сожми . . . . .
А пуще — смиренъ будь дорогой —
Не уронн съ г . . . . . ъ лотка,
. . . . . не трогай . . .
. . . . . тоска!™

Умолкъ, нонпкнувъ головою . . .
Народъ толпой шумитъ вокругъ . . .
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумлень:
Романа чуднаго развязку
Ужь предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой

И ухватилъ, о восхищенье!
За титку женскую рукой.
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Предъ нпмъ хорошенькая . . . . .
Вдругъ вырвалась и ну бѣжать.
Онъ ловить платье — трудъ напрасный!
И по дорожкамъ, по мостамъ,
Быстра какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То, удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То дразнить дерзко языкомъ;
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже — онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша,
Кричитъ: „постой, моя душа!“
Куда! красавица не слышитъ;
Она все далѣе бѣжитъ,
Высоко грудь молодая дышетъ
И шляпка на спинѣ виситъ.
Вдругъ спотыкнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась ногой —
И . . . . .
Стремглавъ на землю повалилась.
А нашъ повѣса тутъ какъ тутъ,
Съ разбѣгу хлопъ на дѣву прямо.

„Помилуйте! въ васъ тридцать пудъ!

„Какъ эдакъ обращаться съ дамой . . .

„Подите прочь! ай-ай!“ — Молчать! —

„Пустите!“ — Ну! . . . . .

Все было тихо. Кустъ зеленый

Склонился мирно надъ четой . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

„Да что вы? что вы?“ . . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

„Ахъ, Боже мой! Какой задорный!

„Пустите! . . . мнѣ домой пора . . .

„Кто вамъ сказать, что я такая? . . . “

— На лбу папсапо . . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

И закатился взоръ прекрасный,
И къ пышной груди въ этотъ мигъ
Она прижала сладострастно
Его угрюмый, красный ликъ . . .

— Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ? —
„Малашей“. — Ну прощай, Малаша! —
„Куда же?“ — Развѣ киснуть тутъ?
Болтать не любить братья наша . . .
Еще въ лѣсу не ночеваль
Ни разу я. — „Да развѣ даромъ?“
Повѣсу обдало какъ варомъ;
Онъ молча . . . . почесаль.
— Стыдись! потомъ онъ молвилъ важно:
— Ужели я красой продажной
Въ сію минуту обладалъ?
Нѣтъ я не вѣрю! — „Какъ не вѣришь?
„Ахъ, сукинъ-сышь! подлець! дуракъ! . . .“
— Молчать! иль подыму кулакъ
. . . . .
Ты знай: я не балую дурь . . .
. . . . . раг amour . . .
И такъ тебѣ не заплачу я.
Но если ты простая . . . ,
Тогда за честь должна считать
Знакомство . . . . . ! —

И, пріосанясь, рыцарь нашъ
Насупилъ брови, покосился,
Подъ мышку, молча, взялъ палашъ,
Далъ ей пощечину и скрылся.
И ночью въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,
Онъ рекъ, съ колѣнъ счищая грязь:
„Блаженъ, кто не знакомъ . . . . . !
Блаженъ, кто подь-вечеръ, въ саду
Красотку добрую находитъ,
Бѣжить за ней, интрижку сводить,
И плохой платитъ . . . . . “

1834.

УЛАНША.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою:
Повѣсь усталыхъ клонить сонъ.
Ужь поздно. Темной синевою
Покрылось небо; день угасъ.
Повѣсы ропщутъ: „ . . . . . !
Стервецъ, пожалуй, эдакъ насъ
Прогонить черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать? . . .
Ты, братецъ, отдалилъ мнѣ ногу! . . .
Дай трубку! . . . тише! . . . .
Вотъ подняли опять тревогу! . . .
Но вотъ Ижорка! слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ . . .“

Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно

Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой.

Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто въ день двараза не пьянъ,
Тотъ — извините — не уланъ!

Сказать вамъ имя квартиргера?
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни допель-кюммель, ни мадера,
Ни даже шумное ай
Ни разу сладить не могли.
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ . . .
Ну, словомъ, все — походка, рожа
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ — и все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикъ большомъ.

Шумя, какъ бѣсъ, въ избу онъ входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Кругомъ онъ дико взоры водить
И мнить, что видитъ сотни свѣчъ.
Въ избѣ жъ всего одна лучина:

Треща, дымясь, горить она:
Но что за дивная картина
Ея лучемъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табашный
Мелькаютъ лица юнкеровъ;
Ихъ рожи пьяны, взоры страшны;
Кто въ збруѣ весь, кто безъ штановъ —
Пируютъ. Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ
И пуншъ въ ушатъ деревянномъ.
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
„Народъ!“ сказалъ Лафа, рыгая:
„Что тутъ зѣвать? за мной ступай!
„Я укажу вамъ двери рая:
„Что за красавица лихая!
„..... — хоть ложками хлебай...
„Одно скажу, что прежде, други,
„Намъ надо очередь завести:
„Иредъ чортомъ всѣ равны услуги,
„Однако надо знать и честь.
„Сперва мы маленькихъ пошлемъ:
„Пускай . . . . . собаки!
„А мы же, грозные . . . . .
„Всегда, вездѣ свое возьмемъ.“
Идутъ — и, разъярясь какъ звѣри,
Они всѣ кинулись — и вдругъ
Съ тяжелой и дебелой двери

Какъ разъ слетѣлъ желѣзный крюкъ.

Держись, несчастная красотка!

Ужасны мѡлодцы мои,

Когда едреная чесотка

Вдругъ нападетъ . . . . , ...

Они, въ пылу самозабвенья,

Ни слезъ, ни жаркаго моленья,

Ни тяжкихъ воплей не поймутъ:

Они накинута толпою . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .

Увы! въ пунцовомъ сарафанѣ

Въ пустой амбаръ ужъ ты заранѣ.

Пришла подъ сѣнью мглы ночной,

Танюша! трепетной рукой

Ты стелешь сладостное ложе.

Но вотъ и крикъ и гамъ повѣсь:

Они идутъ! пришли! О, Боже!

Но скоро, скоро страхъ исчезъ . . .

Заколыхались жарко груди . . .

Закрой глаза, Творецъ небесъ!

Зажмите уши, добры люди! . . .

На утро дневное свѣтило

Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ,

И кровли спящія домовъ
Лучомъ багровымъ озарило.
Вдругъ слышенъ крикъ: „вставай скорѣй!
Ужь сборъ пробилъ барабаны!“
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.
Мирзу не шпорить ратникъ смѣлый;
Князь, носъ къ сѣдлу склонивъ, прилегъ —
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловить за курокъ.
Идутъ и видятъ — изъ амбара
Выходитъ женщина, блѣднѣ,
Худа, сквернѣ, какъ божья кара,
Истощена . . . . .
Глаза померкнувшіе впади,
Въ багровыхъ пятнахъ ликъ и грудь,
. . . . . — страхъ взглянуть . . .
Ужьль Танюша? Полюно, та ли?
Одинъ Лафа ее узналъ,
И грозно, тишину наруша,
Съ поднятой дланію сказалъ:
„Миръ праху твоему, Танюша!“

Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши грозное прозванье.

МОНГО.

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ —
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ налетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ;
Кобылу сърую собравъ,
То горячить нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой.
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ,
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ,
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любятся порой,

И рѣчь ведутъ между собой.
„Монго, послушай — тутъ направо!
„Осталось только три версты.
„Постой! Ужь эти мнѣ мосты!
„Грозять и смотря такъ лукаво.“
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучить это приключенье:
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье. —
„Нѣтъ, въ семь: я самъ читалъ приказъ.“

Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго — повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель, —
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ,
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собака и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ невытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулъся нанередъ,
И не тянулъ онъ ногу въ пятку,

Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть російскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ.
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ —
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего . . .
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ обиженной его.

Маѣшка былъ такнхъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало

Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И оирометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый вралъ безбожно
И молчаливъ былъ на пирахъ.
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей и для враговъ . . .
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ — онъ былъ таковъ.

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ —
Изжогой мучимъ огневой.

Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ —
Мелькаютъ въ-рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ,
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ — и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кобачкомъ.
Вблизи, для блага человѣка,
Построенъ съумасшедшій домъ.
И тамъ пріютъ себѣ смиренный

Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На содержаніи была:
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожиль,
Безъ волокитства, безъ признаній
Ее невинности лишилъ.

„Мой другъ!“ ему я говорилъ:
„Ты не въ свои садишься сани:
„Танцоркой вздумалъ управлять!
„Ну, гдѣ тебѣ . . . . . !“

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ головамъ.
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ.
И вотъ тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшаютъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эиолетъ.
Впередъ отправился Маѣшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесь,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.

За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ:
Судьба окончитъ остальное!

Облокотившись у окна,
Межь тѣмъ, танцорка молодая
Сидѣла дома — и одна.
Ей было скучно и, зѣвая,
Такъ тихо думала она:
„Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самага дурнова,
И мой отецъ — простой кузнецъ;
А я на шолковомъ диванѣ
Ѣмъ мармаладъ, пью шеколадъ;
На сценѣ — знаю ужъ заранѣ —
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки:
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Рieger не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любить смѣху онъ и пѣсенъ,

Зато богатъ и глупъ . . . . .
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ъмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ! — Боже, вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью — жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчить ужъ въ залѣ фортепяно,
Поютъ всѣ врозь, трещить въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ на часахъ . . .
Флери хлопочетъ, бьетъ тревогу . . .
Но вотъ — одиннадцатый часъ:
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ . . .
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоять всѣ въ-рядъ, порою въ два . . .
Какія милыя манеры!
И все отборныя слова.
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь;
За то вернулись лишь домой —
Директоръ пореть на убой.
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй,
А самъ — прости его Всевышній! —
Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!“

Но тутъ въ окно она взглянула —
И чуть не брякнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маѣшка.

„Что это значитъ, господа?
„И кто васъ звалъ придти сюда?
„Ворваться къ дѣвушкѣ — безчестно!“
— Намъ, право, это очень лестно. —
„Я васъ прошу: подите прочь!“
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы. —
„Вы неучи!“ — Вы очень милы! —
„Чего хотите вы теперь?
„Ей-богу, я не понимаю!“
— Мы просимъ только чашку чаю. —
„Панфилка, отвори имъ дверь!“

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала — колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки —

Ну, словомъ, весь любовный вздоръ . . .
И нѣжный вздохъ — прилично-томной —
Порхнулъ изъ груди молодой . . .
Вотъ ляшку нѣжную порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной,
И, говоря о томъ, о семь,
Копаясь, будто бы случайно
. . . . . жметъ корсетъ,
И ловить тò, что было тайной,
Увы, для насъ въ шестнадцать лѣтъ!
. . . . . *)

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ:
Чужое счастье намъ скушно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пврѹ . . . . .
Иль адъютантомъ на сраженьѣ
При генералишкѣ пустомъ!
Быть на парадѣ жолоиёромъ
Или на балѣ быть танцоромъ;
Но хуже, хуже вò-сто разъ

---

*) Точки въ рукописи.

Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ
И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ Монго горить и таетъ . . .

Вдругъ самый пламенный пассажъ

Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ

На дворъ влетѣвшій экипажъ —

Девятимѣстная коляска

И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.

Увы! печальная развязка —

Неотразимый гнѣвъ боговъ!

То былъ Н. Н. съ своею свитой:

Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,

Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ —

Идутъ, гремятъ, орутъ — содомъ!

Всѣ пьяны, прямо изъ трактира,

И на устахъ . . . . .

Но вѣтъ, постой! умолкни лира!

Тебѣ ль, поклонницѣ мувира,

Побѣду фрачныхъ воспѣвать? . . .

Въ истерикѣ младая дѣва . . .

Какъ защититься ей отъ гнѣва?

Куда гостей своихъ дѣвать?

Иодъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать?

Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,

Урыльникъ полный иодъ кроватью . . .

Осталось средство лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно . . .
Онасенъ подвигъ дерзновенный,
И неносить имъ головы!
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Прыгъ-прыгъ — и были таковы . . .
Ужъ ночь была — ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ, обидный
Для самолюбя и любви,
Повѣсы на коней вскочили
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались;
Упрямо убавляя ходъ,
Они п . . . . ли, спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плѣть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было . . .
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило.

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами . . .
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?

1836.

ЭКСПРОМПТЪ

Михаилу Ивановичу Цейдлеру.

Русскій-нѣмедь бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны; —
И иной — не бранной *сталью* —
Мысли юноши полны.

1838.

К А З О Т Ъ.

(Отрывокъ.)

. . . . .
На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ
Одишъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И — помню я — исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: „ликуйте, о друзья!
Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?

Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что-жь? изъ васъ одинъ ее увижу я...“

. . . . .*)

1841.

---

*) Начала и конца не отыскано.

КЪ ГРАФИНЪ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Графиня Эмилиа
Прекрасна какъ лилія;
Такой станъ и талія,
Конечно, не встрѣтится,
И небо Италиі
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмилиі
Подобно Бастиліи.

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ смѣтаной!

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масляница вѣчно!

Онъ былъ въ краю святомъ,
На холмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Ионесъ онъ въ край святой
Цвѣтуція ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Объими руками —
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ, подь-часъ
Смущались красотки:

Онъ пилилъ ихъ не разъ,
Перебирая четки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата,
Глядитъ — дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.

Пришибло старика . . . *)

---

*) Конца не отыслано.

НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНИЯ :

НАВОДНЕНИЕ.

И день насталъ — и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы . . . .
. . . . .

---

* * *

Пусть міръ нашъ ирекасенъ, пусть жизнь хороша,

Пусть свѣтъ не похожъ на неволю,

Пусть есть въ немъ и счастье; но илаеть душа

И рвется на волю!

Найдите, кому бы я могъ уступить

Мой вѣкъ молодой, своевольный?

Вѣдь многимъ же весело, радостно жить

И многіе жизнью довольны;

А мнѣ въ міръ скучно, мнѣ жизнь не нужна,

Ее я отдамъ не жалѣя;

Чѣмъ свѣтитъ, чѣмъ блещеть, чѣмъ грѣеть она —

Возьмите, возьмите скорѣе!

И мѣсто на солнцѣ, и радостный день,

И нѣгу вечерней прохлады . . .

. . . . .
. . . . .

Хотите страданья? и ихъ я отдамъ,
Отдамъ вамъ и слезы и стоны

. . . . .
. . . . .

Возьмите — и дайте взаменъ мнѣ одно —
Забвенье, забвенье, забвенье . . .

Оставьте лишь вѣру, чтобъ въ области звѣздъ
Я могъ у престола Еговы
Сложить безъ упрека тяжелый мой крестъ! . . .

. . . . .

* * *

Когда стою подь древнимъ сводомъ храма,
И хоръ гремитъ хвалебныхъ голосовъ,
Когда въ дыму кадилъ и өмїама
Святой обрядъ исполниться готовъ,
Когда всѣ въ прахъ склоняются смиренно,
Познавъ тщету земнаго бытія,
Тогда и я молюсь колѣнопреклоненно,
Но я молюсь не за себя.
О, мнѣ ужь не о чемъ молиться,
У неба нечего просить!
Пусть невозбранно совершится
То, что должно со мною быть.
Мой конченъ путь, гляжу безъ страха
И безъ надежды я впередъ,
Я сынъ земли, могилы, праха
И скоро прахъ меня возьметъ.
Мнѣ все равно, куда ни бросить

Меня могучій вихрь судьбы;
Блаженства сердце уж не просить,
Въ душѣ о счастья нѣтъ мольбы.

Такъ я стою одинъ съ моей тоскою,
Нѣтъ ни одной молитвы за себя...
Съ покорною, беззвучною душою,
Предъ будущимъ смиряюсь я,
И какъ разбойникъ . . . . .
Я говорю передъ Христомъ:
О помани меня, Владыко,
Егда приидеши во царствіи твоємъ!
Еще молюсь за тѣхъ, которымъ нѣтъ надежды,
Которые клянутъ угрюмый рокъ,
И только ждуть, когда засыплетъ вѣжды
Могильный имъ песокъ...
Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастья бытія,
Которые мнѣ душу отравили,
За тѣхъ молюся я!...

А. О. СМИРНОВОЙ.

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать васъ я желалъ;
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но молча вы глядите строго —
И я въ смущеніи молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской,
Нѣтъ, не напишу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской —
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ неискусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

ЭПИГРАММА

НА О. И. СЕНКОВСКАГО.

Подъ фирмой иностранной иноземець
Не утаилъ себя никакъ —
Бранится пошло: ясно нѣмецъ,
Похвалить: видно что полякъ.

А. А. Ө . . . . . У.

О ты, котораго зовуть
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародёръ,
На сей листокъ склони свой взоръ,
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, сукинъ-сынъ!
Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ,
Но, унижѣнные, опи
Во тѣмъ свои скрываютъ дни,
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и г. . . .
Твои блистаютъ имена;
Но прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ . . .

---

* * *

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда не взглянешь — красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой.
Нѣтъ милыхъ сплетень — все сурово;
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ и пошлыхъ новостей.
Доволенъ каждый самъ собою,
Не беспокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ...
И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обмануль?
Я въ роковомъ его просторѣ
Высокихъ думъ не почерпнулъ.

Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ,
Болѣзнью жизни, скукой боленъ;
На зло былымъ и новымъ днямъ,
Я не завидовалъ какъ прежде
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

**ОТРЫВКИ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ, НЕ ВОШЕД-
ШЕ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ
ЛЕРМОНТОВА“.**

НОВЫЙ ОЧЕРКЪ „ДЕМОНА“ *).

2 **).

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли, безъ пріюта . . .
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,

---

*) Этотъ очеркъ представляетъ одну изъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы, и относится къ 1832 и 1833 году.

***) Первая строфа сходна съ напечатанной во 2 томѣ изданія 1860 года, только послѣ 9-го стиха есть еще четыре:

Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него ;
Когда забота и тревога
Чуждалися ума его.

Онъ сѣять зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ иагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье —
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
И, полонъ скуки непонятной,
Онъ скоро кинулъ міръ развратный
И на хребетъ иустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ, надъ жемчужинымъ водонадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчапной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ онъ — мрачный и пѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы, у ногъ его ревѣли.

3.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынь міра — и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался,
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забыть и одинокъ —
Грозой оторванный листокъ —
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая.

4.

Надъ утомленною землею
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ, заботливыхъ твореній;
Но тщетны были для дѣтей

Отцовъ и праотцовъ уроки:
У переменчивыхъ людей
Не измѣнялися пороки!
Все также грозныя слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ
Непредназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

5.

Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь . . . Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
Гнѣздились, какъ великаны,
Громады черныхъ облаковъ,
И вѣчно-ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

6.

О море, море! . . . Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!
Покрыта бѣлыми кудрями,

Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая,
Течеть одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая . . .
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ-вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И бесполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ.
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастья, безъ цѣли . . . *)

---

*) Остальныя строфы 1-й части сходны съ соответствующими имъ печатными, во 2 томѣ; измѣненія встрѣчаются только въ 13, 16 и 19 строфахъ, которыя мы и приводимъ здѣсь, въ прижъчаніи.

13.

. . . . .
Въ немъ чувство вновь заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
Тогда, исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть-можетъ, посланный Творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрывъ глаза свои крыломъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?...

16.

Затихло все... тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли...

19.

. . . . .
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья
Имъ прошедшаго не жаль.
Дѣти вольности воздушной,
Безъ желаній, безъ страстей,
Смотрять гордо, равнодушно
На волненія людей.
Въ день томительный несчастья...

ЧАСТЬ II.

---

3 *)

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таился монастырь святой;
Чинарь и тополей рядами
Онъ окружонъ былъ, и порой,
У стѣнъ его, прохлады полны,
Однообразно бились волны:
Кругомъ его густыхъ дерёвъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней —
Символь спасенія забвенный —

---

*) Строфы 1 и 2, какъ равно 4, 5, 6 и 7 совершенно сходны съ напечатанными въ изданіи 1860 года.

Чернѣть ржавый крестъ, согбенный
Напоромъ бури и дождей.
Когда жь ложилась ночь въ ущельи —
Внутри мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы молодой...*)

8.

Какъ много значить этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоений,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка бесплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ —
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему? . . . одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружится,
Ей ждать нельзя — она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.

9.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра,

---

*) Далѣе — какъ напечатано.

И мыслить онъ, что жизни новой
Пришла желанная нора.
Неясный трепеть ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ-будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой.
Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ-будто видя въ немъ укорь,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей;
У стѣнки дѣвственное ложе;
Луна, смѣясь, въ окно глядитъ —
А у окна... всесильный Боже!
Что съ нимъ? — онъ млѣетъ, онъ дрожитъ . . .
По звонкимъ струнамъ ударяя,
Блѣдна, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Она, монахиня младая,
Сидѣла молча передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды, первыя творенья.
Въ большихъ глазахъ ея порой

Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,
Неизъяснимую заботой . . .
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надеждъ, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота . . .
И грудь высоко поднималась,
И обнаженная рука —
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака —
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась.
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога:
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшась въ ней увидѣть Бога!
Но взоръ онъ поднималъ: передъ нимъ
Носланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоить, съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!
Довольно! Ненависть и злоба
Въ его душѣ разыграли вновь . . .
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ

Великому Царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на презрѣнное чело
Проклятѣ вѣчное легло.
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто мирнаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

11 *).

ТАМАРА.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Забуть волненіе страстей:
Къ чему жъ теперь меня смущаешь
Любовью страстною своею?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь? . . . **)

. . . . .

---

*) 10 строфа не имѣетъ вариантовъ противъ печатнаго.

***) Потомъ — какъ въ печатномъ, до второго отвѣта Демона, въ которомъ есть измѣненія.

ДЕМОНЪ.

. . . . .
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!
Не искушать пришелъ я душу;
Ты о спасеніи не молись:
Святыни здѣшней не нарушу;
Меня, Тамара, не страшись,
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ;
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не знаю радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перекатный метеоръ,
Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья;
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты — ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь,

И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь!

ТАМАРА.

Оставь меня . . . *)

. . . . .

ДЕМОНЪ.

. . . . .

Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Везмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаьемъ,
Всею роскошью души моей.
О, не страшись — и пожалѣй!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатленъ . . . **)

. . . . .

---

*) Далѣе — какъ въ печатномъ. Въ слѣдующемъ монологѣ Демона есть новая вставка, которую мы и помѣщаемъ,

**) Далѣе — какъ въ печатномъ до стиховъ:

Все безутѣшно ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!

ТАМАРА.

Къ чему мнѣ знать твои печали . . . , и пр.

Далѣе вариантовъ нѣтъ до вопроса Тамары:

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что жь? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить, любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рай.
Оставь сомнѣнія свои!
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землею.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
На рабство тихое отдать.
Лишь только божіе проклятье
Исполнилось . . . *)

---

*) Потомъ — какъ въ печатномъ, до стиха:

Несокрушимый мавзолей.

Послѣ чего начинается монологъ Тамары:

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайный . . .

12.

И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ устамъ;
Соблазна полными рѣчами,
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ей мольбамъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи . . . *)

14 **).

За часъ до солнечнаго восхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,
И вмѣстѣ съ бурей и громами,

и далѣе, съ добавкою четырехъ стиховъ:

И пусть другіе бѣ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались —
Міръ лучшій не доступенъ имъ!
Но не тебѣ, моей подругѣ . . .

*) И такъ далѣе, какъ въ печатномъ.

***) 13 строфа вполнѣ соотвѣтствуетъ 12 печатной.

Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожація пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Его глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва! . . .
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,

Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой!
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!
Земля взяла свое земное —
Она назадъ не отдастъ . . . *)

---

*) Затѣмъ въ рукописи варианты встрѣчаются только къ стихамъ, помѣщеннымъ въ выноску на стр. 46, I-го тома послѣдняго изданія „Сочиненій Лермонтова“.

И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась.
Но слѣду крыль его свѣтилась
Багровой молнии струя . . .

Э П И Л О Г Ъ .

. . . . .
И не напомнить ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Теперь гуляютъ лишь метели
Да стан вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
И время — вѣчный разрушитель —
Смывало постепенно слѣды
Высокихъ стѣнъ — и храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей —
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной,

Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Приютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельи. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Чтò можетъ падать — то упало,
Чтò мретъ — то умерло давно,
Чтò живо — то безсмертно стало,
И время въ-живѣ удержало
Воспоминаніе одно . . .

СПИСОКЪ СЪ ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЕЙ ЛЕРМОНТОВА *).

„Списокъ“ начинается слѣдующими четырьмя строфами, почти не имѣющими помарокъ:

1.

Свои записки нынѣ нишуть всѣ,
И тотъ кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
Чтобъ выставить себя во всей красѣ.

---

*) Намъ извѣстны два списка съ этихъ тетрадей, но самаго подлинника мы не встрѣчали. Въ этихъ спискахъ, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ стихотвореній Лермонтова, находятся черновые наброски стихотвореній, не являвшихся въ печати и, вѣроятно, такъ и оставшихся не отдѣланными. Судя по тому, что въ этой тетради находятся черновые очерки стихотворенія: „Памяти А. И. Одоевскаго“. ее можно отнести къ 1839 или 1840 году.

Увы! дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнуть безъ слѣда въ волнахъ забвенья.
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ —
Ихъ не спасетъ отъ плесени и крысъ;
Но хоть — пути предшественниковъ склизки, —
И я хочу издать мои записки!

2.

Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно — муки да страданья.
Такія вещи хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губить.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ.

3.

Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,
Но васъ онѣ заставятъ размѣяться.
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, то книжкою моею

Займитесь чинно. Кликните Петрушку:
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за-спину положить — и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ, *)
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.

4.

Видѣнья сна замѣнять мой рассказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И, если бъ могъ я спать, то въ этотъ часъ,
Съ перомъ въ рукахъ, я бъ на-яву напрасно
Не бредилъ. Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,
Мучительныя ночи. . . Тайной силой
Я былъ лишень отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ. . .

. . . . .

И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали.
Сонъ — благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая;
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни, жизнь вторая,

---

*) *Вариантъ*: Раскрывши первый или послѣдній томъ.

Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другаго
Таинственнаго міра, не земнаго;
Смущенная душа, раздѣлена
Между . . . . . *) и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски — нищій. . . .

Далѣе, слѣдуетъ коротенькая замѣтка, отдѣлен-
ная отъ этого и слѣдующаго очерка черточками:

. . . . . имя это
Дано по волѣ одного корнета.

Потомъ начинается набросокъ, повидимому,
уже другаго стихотворенія, а можетъ-быть это
дальнѣйшія строфы перваго наброска. Рѣшить
трудно.

1.

Подъ рубищемъ простымъ она росла
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Проходимъ не замѣчена, — ни зла,

---

*) Неразбрано.

Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталь, пора любви пришла —
Ей кто-то улыбнулся — простодушно
Она своихъ покинула, послушна
Какъ агнецъ. Но, увы, прошло пять дней —
Любовникъ глупый ужъ наскучилъ ей
И съ этихъ поръ, чтобъ выбирать по волѣ,
Она взяла ихъ пять, шесть, семь и болѣ.

2.

Мечты умчались, какъ ночной туманъ,
Но сердце у Терезы . . . все осталось то же
. . . . .
Быль это знакъ тоски нѣмой, сердечной. . .

3.

Безвѣстная печаль смѣнилась вдругъ
Какою-то веселостью недужной
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ).
Волной вставала грудь и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлся; — бѣлый полукругъ . . .
. . . . .
Безстыдно обнажалась до колѣна . . .

4.

Когда шалуныя на кровать,
Шутя, рѣзвясь, роскошно упадала —

Не спору: мудрено ее понять —
Она сама себя не понимала.
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню рабенку: надо было
Кому нибудь съ невѣдомою силой
Явиться, и привѣтливой душой
Ее согрѣть. . . Явился ли герой,
Или вотще — остались . . . ожидали . . .
Все это мы со-временемъ узнали.
Теперь къ подругѣ перейдемъ,

5.

Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались воедино,
И мысли ихъ встрѣчались во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званьи
Сердцецъ отлично-добрыхъ! . . . но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ —
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ . . .
Увы, друзья! . . . а наведите справки —
Вся прелесть ихъ въ кредитъ изъ модной лавки!

Послѣ этого опять двѣ отрывочныя замѣтки:

6.

Она была свѣжа, была кругла,
Какъ снѣжный шарикъ . . . . .

7.

. . . . . перекрестили въ Парашу.
За тѣмъ продолжается:

8.

Предъ нагорѣвшей сальной свѣчой
Красавицы задумчиво сидѣли,
И занималъ вниманье ихъ порой
Печальный свистъ играющей метели,
И — какъ и вамъ, читатель милый мой, —
Имъ было скучно. Вдругъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо . . .
Вотъ чей-то голосъ . . . Идутъ на крыльцо . . .
Параша потянулась и зѣвнула,
Такъ что едва не уронила стула . . .

Изъ 9 строфы есть только замѣтка:

Но . . . быстро выбѣжала вонъ . . .
10, 11, 12 и 13 строфъ вовсе нѣтъ.

14.

Но кто же этотъ гость? Сейчасъ, сейчасъ!
Разсѣянность . . . pardon! . . . рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Саша. Жаль для васъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ. Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ — онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье — глядь, а вечеромъ ужь здѣсь,
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

За этимъ слѣдуетъ набросокъ новаго стихо-
творенія, а можетъ-быть новыя варіаціи только что
выписаннаго:

1.

Но не смотря на это, мы взойдемъ . . .
Вы знаете — для музъ и для поэта,
Какъ для Хромаго Бѣса, каждый домъ
Имѣетъ дверь особую . . . Секрета
И запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ . . .
У круглаго стола въ углу свѣтлицы
Спдѣлп двѣ, дѣвицы не дѣвицы —
Красавицы такъ лучше ихъ назвать . . .

Чѣмъ выгоднѣй — прошу я васъ узнать
Отъ нашихъ дамъ въ деревнѣ и столицѣ —
Красавицею быть или дѣвицей?

2.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ. . . И умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды-то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обдавалъ и потолокъ и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ
И верба, наклоненная надъ ними,
Блестала вдругъ листьями золотыми.

3.

Одна изъ нихъ — красавицъ — не вполне
Была прекрасна. . . Но за то другая!
О! мы такихъ видали лишь во снѣ —
И то заснувъ, о небесахъ мечтая!
Головку преклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла молча и небрежно. . .
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда

Изъ усть ея пустое *или* иль *да*
Съ улыбкой вырывалось . . . Наконецъ рукою
Она смѣшала карты предъ собою.

4.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна.
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она бѣ на судъ неправедный пришла
Съ лицомъ холоднымъ и горящимъ взоромъ.
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ,
И вы должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣе, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ слышала, краковская полька, —
И страннаго по-мнѣ тутъ нѣтъ нисколько.

5.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ,
И разъ, когда украдкой онъ гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ вдоль по бастионамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ,
И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой,
Что, признаюсь, мнѣ право очень жалко.
Его жена, пять мѣсяцевъ спустя,

Произвела на божій свѣтъ дитя —
Хорошенькую (*дочь*) Терезу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета. . .

Послѣ этого слѣдуютъ первоначальные наброски
стихотворенія: „Памяти А. И. Одоевскаго.“ За тѣмъ
опять написана строфа, неизвѣстно откуда. Ей
предшествуетъ стихъ, котораго нельзя разобрать:

. . . . .
Калитка скрипъ. Дворъ грязный. Подошли.
Идти неловко. Вотъ на-силу сѣни
И лѣстница, но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожація ступени
Грозятъ мгновенно пзмѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь, и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурилась, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: „что угодно вамъ?“
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво.

Потомъ слѣдуетъ еще совершенно отдѣльная строфа:

Я врагъ Невы и невскому туману:
Тамъ новый вѣкъ развилъ свою чуму —

. . . . . *) вредны русскому карману,
Занятя вредны русскому уму;
Тамъ жизнь тяжка, нуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ финскаго залива.
Москва не то! Покуда я живу —
Клянусь, клянусь не разлюбить Москву!
(Тамъ я впервые, въ дни надеждъ и счастья
Былъ болѣнъ отъ любви и любострастья).

Послѣ этого помѣщена *Молитва* („Я, Матерь
Божія, нынѣ съ молитвою . . .“), при чемъ третья
строфа (печатныхъ экземпляровъ) поставлена прежде
первыхъ. Поправки неразборчивы.

За „Молитвою“ слѣдуетъ стихотвореніе:

Ахъ! нынѣ я не тотъ совсѣмъ,
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блитали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ;
А псушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей, явились морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.

---

*) Не разобрано.

Я зналъ еще души волненье —
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешень...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азiятскiя движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда, румянецъ и смятенье...
Но полно! иолпо! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ!...
. . . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однѣхъ лишь крайностяхъ горить,
И вѣчно (тщетно рокъ свирѣпый
Возсталъ) меня не охладить —
И тѣнь мнѣнущаго бѣжитъ
Понинѣ всюду за Мазепой...
. . . . .

„Списокъ“ оканчивается стихотвореніемъ: „Онъ
былъ въ краю святомъ“, помѣщеннымъ нами въ
первомъ отдѣлѣ нашего изданія.

---

10 ЮЛЯ 1830 г.

(Франц. революція.)

Опять вы гордые возстали
За независимость страпы,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилось — побѣды мрачный знакъ!
Оно любимо прежде было славой . . . .
. . . . . *)

---

*) Конць утраченъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ
ЛЕРМОНТОВА.**

I.

*Дополненія, варианты и примѣчанія къ
последнему изданію „Сочиненій
Лермонтова“.*

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Стр. 63. Точки, послѣ стиха: „И на устахъ его печать“, слѣдуетъ уничтожить, а конецъ стихотворенія, помѣщенный на той же страницѣ, въ видѣ примѣчанія, напечатать въ связи съ предъидущими стихами, такъ-какъ онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность пьесы. Кромѣ того, этотъ конецъ напечатанъ съ исключеніемъ одного стиха и искаженіемъ трехъ другихъ. Поэтому помѣщаемъ здѣсь всѣ шестнадцать заключительныхъ стиховъ:

А вы надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, гения и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона:
Предъ вами судъ и правда — все молчи!
Но есть и божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгните къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихотвореніе это было написано Лермонтовымъ тотчасъ по смерти Пушкина и первоначально заключалось стихомъ: „И на устахъ его печать“. Въ такомъ видѣ оно было списано многими и разошлось по городу. Вскорѣ послѣ того заѣхалъ къ Лермонтову одинъ изъ его родственниковъ-аристократовъ. Рѣчь зашла о дуэли и смерти Пушкина. Родственникъ обвинялъ Пушкина, оправдывая Дантеса. Лермонтовъ горячо вступился за погибшаго поэта и тотчасъ по отъѣздѣ гостя написалъ заключительные стихи, которые разошлись по Петербургу еще быстрѣе, чѣмъ само стихотвореніе. На одномъ многолюдномъ

вечеръ извѣстная болтушья и сплѣтница, Анна Михайловна Хитрова, при всѣхъ спросила шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа: „Слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что *про насъ* написалъ Лермонтовъ?“ Вѣроятно еще прежде нея Бенкендорфъ зналъ объ этихъ стихахъ и не находилъ ничего важнаго, но тутъ онъ сказалъ: „Ужь если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить государю“. Вслѣдствіе этого доклада, вѣрно было начальнику штаба гвардейскаго корпуса Веймарну осмотрѣть бумаги Лермонтова въ Царскомъ-Селѣ и хотя въ нихъ ровно ничего небыло найдено, тѣмъ не менѣе Лермонтовъ былъ сосланъ на Кавказъ.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ, попадавшихся намъ, стихотвореніе „На смерть Пушкина“ снабжено слѣдующимъ эпиграфомъ.

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ —
Будь справедливъ, и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ немъ примѣръ.

(Изъ неизданной трагедіи „Венцеслава“.)

ДУМА.

Стр. 93. Послѣ стиха: „Передъ опасностью позорно-малодушны“ опущенъ стихъ:

И передъ властію презрѣнные рабы.

Эти два стиха имѣютъ еще вариантъ:

Передъ подвигомъ добра постыдно-малодушны,
Передъ властію ничтожные рабы.

ПАМЯТИ А. И. О . . . . . ГО.

То есть: „Памяти князя Александра Ивановича Одоевскаго“. Князь Одоевскій, членъ сѣвернаго тайнаго общества, принималъ дѣятельное участіе въ движеніи 14-го декабря, за что былъ сосланъ въ Сибирь на каторгу, откуда, впоследствии, былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Здѣсь онъ сошелся и подружился съ Лермонтовымъ, также бывшимъ въ то время въ ссылкѣ на Кавказѣ. Одоевскій умеръ въ 1839 году.

Стр. 105. Въмѣсто первыхъ пяти стиховъ третьей строфы первоначально было написано:

Онъ былъ мой другъ... ужъ нѣтъ такихъ друзей!
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей

Нетронута никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

Вмѣсто 7 послѣднихъ стиховъ 4й строфы было :

Какъ ожидать, что можетъ въ мигъ такой
Исполнить сердце, жившее такъ много
И такъ надолго смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ уймѣлъ тебя понять,
И нынѣ можетъ, долженъ разказать
Твои мечты, дѣла и приключенья —
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

Эти варианты, взятые изъ черновой тетради Лермонтова, были напечатаны въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1859, No. 12, столб. 383).

М Ц Ы Р И.

Стр. 115. Послѣ восьмого стиха VIII строфы („Узнать, прекрасна ли земля“) пропущено два стиха:

Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы . . .

Стр. 131. Опущено окончаніе XXV строфы:

Но что мнѣ въ томъ? пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ приютъ . . .
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бѣ рай и вѣчность промѣнялъ! . . .

НА СВѢТСКІЯ ЦЪПИ . . .

Стр. 151. Стихотвореніе это относится къ княгинѣ Щербатовой. Впрочемъ Лермонтовъ не всегда относился такъ къ княгинѣ, и даже, когда, года за три предъ тѣмъ, за ней ухаживалъ Барантъ, сынъ французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, сказалъ слѣдующій весьма не скромный экспромптъ:

Ахъ, какъ мила моя княгиня!
За ней волочится французъ —
Хотя лицо у ней какъ дыня,
За то и . . . какъ арбузь.

О дуэли его съ Барантомъ см. „Вѣкъ“ (№. 4, на 1862 годъ).

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Стр. 153. Опущено начало III строфы, которое читается такъ:

Что мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой?

КИНЖАЛЪ.

Стр. 164. Третій стихъ третьяго куплета напечатанъ ошибочно, въ слѣдствіе чего онъ даже не рифму-

ется съ первымъ стихомъ того же куплета. Въ рукописи онъ читается такъ:

Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ . . .

КАЗБЕКЪ.

Стр. 175. По указанію М. Н. Лонгинова, два заключительные стиха присочинены какимъ-то П. Въ рукописи ихъ не было.

БЪГЛЕЦЪ.

Стр. 182, стихъ 17. Въмѣсто *вражія* слѣдуетъ поставить — *русскія*:

Сквозь пули русскія безвредно . . .

НА БУЙНОМЪ ПИРШЕСТВѢ . . .

Стр. 185. Стихотвореніе это напечатано неправильно; именно — оно не разбито на куплеты, какъ это сдѣлано въ рукописи, опущено заглавіе, искаженъ второй стихъ и нѣтъ четырехъ заключительныхъ. Для ясности помѣщаемъ означенное стихотвореніе въ первомъ отдѣлѣ цѣликомъ, какъ оно было напечатано въ „Современникѣ“ (1857, No. 10).

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КЪ ГЕНІЮ.

Стр. 21. Двѣ строчки точекъ, поставленныя на этой страницѣ, находятся въ рукописи Лермонтова, и потому — это не пропускъ.

КЪ ГР . . НОВУ.

Стр. 24. Читай: *Изъ Грузинцову.*

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Стр. 26. Опущенъ конецъ. Вотъ онъ:

Ласкаетъ дѣву всякій день,
И что же?
Скрываются красы какъ тѣнь . . .
О, Боже!

Онъ опасается измѣны.
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь
Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился

И перль между рѣсницъ порой
Не бился . . .

Но армянинъ открыль коварность!
Измѣпу и неблагодарность
Какъ перенести? . . .
Досада! месть!

Впервые васъ онъ только самъ
Извѣдалъ,
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ.

ПРЕСТУПНИКЪ.

Стр. 28. Строка точекъ, встрѣчающаяся на этой страницѣ, поставлена сампмъ Лермонтовымъ, и пропуска тутъ нѣтъ.

Стр. 29. Опущено два стиха, замѣненные точками:
И ложе то, гдѣ я — и съ нею,
И съ этой мачихой лежалъ.

Стр. 31. Точки въ подлинникѣ.

Стр. 33, стихъ 1. Сюда вкралась ошибка; стихъ этотъ долженъ читаться такъ:

Бѣгутъ года, умчалась младость . . .

Тамъ же, послѣ стиха: „Одни холодные остатки“, опущенъ стихъ:

Несчастной жизни отпечатки . . .

ПЕРВЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

Стр. 39. Въ рукописи Лермонтова, послѣ стиха: „Представить не имѣлъ онъ силы“, слѣдуетъ изложеніе сюжета прозой, опущенное въ изданіи. Вотъ оно:

„Демонъ узнаеть, что ангель любитъ одну „смертную. Демонъ узнаеть и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираеть. Демонъ обольстиль ее, рассказывая, что „Богъ несправедливъ и проч. Мою ист.“

Тамъ же, въ прозаическомъ изложеніи сюжета, строки 2, 3 и 4 напечатаны ошибочно; онѣ читаются такъ:

„ . . . . но демонъ видитъ *ея* ангела-хранителя, „и отъ зависти и ненависти *рѣшается* погубить „её Она умираеть. Душа *ея* улетаетъ въ адъ . . .“

Стр. 40, стихъ 27. Опущено окончаніе стиха, который въ рукописи читается такъ:

Сѣна обители святой . . .

Стр. 41. Строчку точекъ, поставленную послѣ стиха: „Чело . . . Онъ хочетъ прочь тотчасъ“, слѣдуетъ уничтожить, какъ излишнюю.

Тамъ же, стихъ 2, съ конца. Въмѣсто точекъ слѣдуетъ поставить:

Святыни здѣшней не нарушу . . .

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

Стр. 48, стихи 15 и 16:

Онъ зрять божественныя книги,
Лампалу, чотки и вериги . . .

Тамъ же, стихъ 20:

На ложѣ, съ лютнею въ рукахъ . . .

Стр. 49, стихъ 10:

Глаза монахини сіяли . . .

Стр. 51, стихъ 6:

Онъ монастырскія преданья . . .

Стр. 52, стихъ 4:

Въ ледяный гротъ переселился . . .

Стр. 53, стихи 9 и 10:

Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и келью . . .

Стр. 54, строка 1:

Пѣспя монахини.

Тамъ же, стихи 11 и 12:

Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.

Стр. 55, стихъ 25:

Вблизи монахини прекрасной . . .

Стр. 56, стихъ 20:

Кипить онъ, ревностью пылая...

Тамъ же. Послѣ стиха: „И ядъ преступныхъ, черныхъ думъ“, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчается слѣдующая вставка:

Но впрочемъ, онъ неремѣнится
Не могъ бы: это былъ лишь сонъ,
И рано-ль, поздно-ль, пробудиться
На вѣки долженъ былъ бы онъ.
Уснѣло зло укорениться
Въ душѣ его съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней;
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ бы Демонъ никогда;
Оно въ немъ было бы чужое —
И сталъ бы онъ несчастнѣй вдвое.
Взгляните на волну, когда
Въ ней отражается звѣзда!
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ сребристыя струи!
Но что же? блескъ тотъ — блескъ небесный,
Не завладѣютъ имъ они.
Ихъ лучъ звѣзды той не согрѣетъ;
Онъ гаснетъ — и волна темнѣетъ!
Злой духъ недолго размышлялъ:
Онъ не впервые отомщаль!
Онъ образъ *смертный* принимаетъ...

а не *смерти*, какъ напечатано.

Тамъ же, стихъ 29:

Его монахиня младая. . .

Стр. 57, стихъ 1, снизу:

Святыни здѣшней не нарушу!

Стр. 58, стихъ 20:

У Бога вашего прощенья . . .

Тамъ же. Послѣ стиха: „Непролетающую тѣнь“, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются стихи, напечатанные въ I томѣ на стр. 35 (со стиха 21) и на стр. 36 (до стиха 6), съ добавкою слѣдующихъ трехъ:

Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоять рай:
Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Стр. 59, стихъ 12:

Куда зоветъ отшельницъ онъ?

Стр. 60, стихъ 26:

И жизнь мопахини моей . . .

Стр. 61, стихъ 2:

Пустѣла древняя обитель . . .

Тамъ же, къ стихамъ 13—21, варіантъ:

Не разъ, сбѣжавъ со скаль крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельяхъ . . . и порой
Забытой утвари паденье,

Среди развалины глухой,
Ихъ приводило въ удивленье;
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину.

Стр. 63, стихъ 10: Въ началѣ стиха опечатка; въ
рукописи онъ читается такъ:

Я не для ангеловъ и рая...

НАСТАНЕТЪ ДЕНЬ...

Стр. 64, стихъ 3:

На мѣстѣ казни — гордый, хотъ презрѣнный...

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

Стр. 68, стихъ 23:

Завидуя судьбѣ сего Творца...

Тамъ же, стихъ 26:

Нашошь спасенье цѣлому народу...

Б . . . . . НОЙ.

Стр. 72. Читай: *Бухариной*.

Т . . . . . ОМУ.

Стр. 73. Читай: *Трубецкому*.

Н . . . . . НОЙ.

Стр. 73. Читай: *Нарышкиной*.

Т . . . . . ОЙ.

Стр. 74. Читай: *Толстой*.

М . . . . . ВОЙ.

Стр. 74. Читай: *Мартьяновой*.

Д О Д О.

Стр. 75, стихъ 11. Въмѣсто — *человѣка*, слѣдуетъ
поставить: *челнока*.

Относится къ графинѣ Е. П. Ростопчиной.

Б . . . . . ВУ.

Стр. 75. Читай: *Ватилову*.

Б . . . . . ВУ.

Стр. 76. Читай: *Булгакову*.

СКЛОНИСЬ КО МНѢ КРАСАВЕЦЪ . . .

Стр. 79. Напечатано не вполне. Для ясности, по-
мѣщаемъ названное стихотвореніе цѣликомъ въ
первомъ отдѣлѣ нашего изданія.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Стр. 83, стихи 1 и 2. Опущены два начальные стиха. Вотъ они :

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На незаконный нашъ союзъ . . . .

Стихотвореніе „Договоръ“, помѣщенное въ I томѣ „Сочиненій Лермонтова“ (стр. 169), есть окончательная редакція стихотворенія „Прелестницѣ“.

ЧЕРНООКОЙ.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Стр. 85 Подъ обоими стихотвореніями въ рукописи Лермонтова стоитъ помѣтка: *Средниково. 12 августа 1830*, опущенная въ послѣднемъ изданіи.

ЗОВИ НАДЕЖДУ . . .

Стр. 87. Во всѣхъ рукописяхъ, которыя намъ случилось видѣть, эта пьеса читается съ такими измѣненіями :

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

Въ такомъ видѣ напечатано оно въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1861, No. 3, столб. 88).

СВЕРШИЛОСЬ! ПОЛНО ОЖИДАТЬ . . .

Стр. 89. Опущена помѣтка: *2 октября 1830 г.*

НѢТЪ, Я НЕ ТРЕБУЮ . . .

Стр. 101. Стихотвореніе это было первоначально напечатано въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1844 No. 5), подъ заглавіемъ: „Въ альбомѣ. (Подражаніе Байрону)“.

1831 ГОДА, ПОНЯ 11.

Стр. 113. Опущены четыре послѣднія стиха XXVIII строфы; затѣмъ, на стр. 114, опущены 1 и 3 стихи XXIX строфы и два первые стиха XXX строфы. Для ясности помѣщаю здѣсь все три строфы цѣликомъ:

Я предузналъ мой жребій, мой копецъ —
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забыть умру я. Смерть моя

Ужасна будетъ; чуждыя края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянуть и память обо мнѣ.

Всѣ! нѣтъ, не всѣ! Созданье есть одно,
Способное любить, хоть — не меня;
До этихъ поръ не вѣрить мнѣ оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнѣньемъ — и мое
Пророчество припомнить умъ ея,
И взоръ теперь веселый и живой
Напрасно отуманится слезой.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

Эти дополненія были напечатаны въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1861, No. 16, столб. 494).

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКЪ.

Стр. 120, стихъ 16. Опущено окончаніе стиха, который въ рукописи читается такъ:

Звалъ братію ко всенощной въ сей мирный часъ...

Слѣдующая за симъ строчка точекъ поставлена самимъ Лермонтовымъ, и потому за пропускъ считается не можетъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Стр. 128. Опушена помѣтка: *Средниково. Вечеръ на бельведеръ. 29 іюля.*

7-ГО АВГУСТА. ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Стр. 135. Опушена помѣтка: *На холмъ, у забора.*

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Стр. 142, стихи 1—4. Помѣщаемъ варіантъ этихъ четырехъ стиховъ, помѣщенный въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1859, No. 12):

Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Стр. 146, стихъ 28:

Гдѣ солнца ужь не нужно намъ...

Варіантъ:

Гдѣ дня не нужно вовсе намъ...

Стр. 152, стихъ 3:

Чу! топоть . . . пыль клубится тучей . . .

ВАРИАНТЪ:

Въ долинь пыль клубится тучей . . .

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Стр. 204, строка 7. „ . . . для достиженія ихъ *глупыхъ* цѣлей“.

Стр. 212, строка 3. Пропускъ. „Онъ ѣхалъ мимо вашего дома, и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что еслибъ самъ государь мимо его проѣхалъ съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся“.

Стр. 288. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, послѣ стиха: „Не получить отвѣта на моленья“, встрѣчается еще пять стиховъ:

Безумный! ты не звалъ, что былъ любимъ!
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь на вѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной! . . .

Стр. 234, строки 31—33, и стр. 235, строки 1 и 2. Пропуски. Слѣдуетъ читать: „А Ѳедька мужикъ былъ славный! Вотъ она приказала руки ему вывертывать на станкѣ. . . А управитель былъ

на него сердить... Какъ повелн его на барскій дворъ — дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать... „Господинъ управитель!“ сказалъ Ѳедька: „Что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!“ — „Вздоръ!“ сказалъ управитель... Да вывертывали, да ломали — Ѳедька и сталъ безрукимъ, на печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденіе...“

Стр. 235, строка 12: Пропускъ. „Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась — такъ, вѣдь, ножницами стала имъ кожу рѣзать... Охъ! больно!... А какъ бороду велитъ щипать, волосокъ по волоску... батюшка! ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка! (*Упадаетъ въ ноги Вѣлинскому*).“

Тамъ же, строка 18. Пронускъ. „Все, все куплено кровавыми слезами! Ломать руки, рѣзать кожу, сѣчь, щипать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ! Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этой злодѣйской женщины! Это приводитъ меня въ бѣшенство!“

Вѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ ужасно! Морозъ по кожѣ подираетъ!“

Стр. 236, строка 4. Пропускъ. „Несчастные му-

жики! Чтò за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!“

Стр. 241, строка 17: Пропускъ. „ . . . . пускай они будутъ при дворѣ, пускай“, и прочее.

Тамъ же, строка 23. Пропускъ „ . . . содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигъ способа мѣнять людей на бумажки . . . ха! ха! ха! почему же нѣтъ? И чело-вѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка, и чело-вѣкъ, какъ бумажка, носить на себѣ условные знаки, кото-рые ставятъ его выше другихъ, и безъ которыхъ онъ . . . *(звѣетъ)* и пр.

Стр. 266, строка 16:

Бѣлинскій *(читаетъ)*.

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставить у людей,

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ грусть его порой —
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими —
И справедлива ихъ вражда;

Но хоть виновень передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
Вѣрь! не ностыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ. *)

Стр. 272, строка 21. Пропускъ. „Владимиръ. Богъ!
Богъ! Во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни покорности, ни вѣры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты... Ты самъ нестерпимую пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любить и не умѣть также ненавидѣть! — Ты виновень! — Пускай твой громъ упадетъ на меня: Я не думаю, чтобы послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать!... (*Молчаніе*)...“ и пр.

ИЗМАИЛЬ БЕЙ.

Стр. 302. Опущено окончаніе VIII строфы, которое въ *рукописи* читается такъ:

---

*) Въ отдѣланномъ видѣ это стихотвореніе помѣщено на 159 стр. I тома. Въ нѣкоторыхъ спискахъ приводится здѣсь другое стихотвореніе, помѣщенное на стр. 169—170, съ измѣненіемъ только въ третьемъ стихѣ слова *мятежную* на *глубокую*.

Черкесь удалый въ битвѣ правой
Умѣеть умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть — кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы!
Мила Черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
„Оставимъ мы утесы горъ;
„Пусть на тебя, Бешту суровый,
„Попробуютъ надѣть оковы!“
Такъ думалъ каждый — и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На *русскихъ* робко онъ взираетъ
И облаками одѣваетъ
Вершннъ кудрявыхъ красоту.

Тамъ же. Въ IX строфѣ опущенъ второй и восемь заключительныхъ стиховъ. Для ясности печатаемъ здѣсь всю строфу цѣликомъ:

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужъ настаеть,
А кровь джауровъ не течеть.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесь бродящій отдохнулъ;
Построенъ новый былъ аулъ

(Его слѣдовъ не видно нынѣ);
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужь Рослаббекъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ:
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

Стр. 307. Въ XVII строфѣ, послѣ стиха: „Черкесь
не хочетъ отдохнуть“, опущено 15 слѣдующихъ
стиховъ:

Ужели отдыхаетъ мщенье?
Ауль, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ сель —
Все уничтожилъ русскій воинъ...
Нѣтъ, нѣтъ не будетъ онъ спокоень,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзoley —
И такъ отмститъ за униженъе
Любезной родины своей
„Я знаю васъ“, онъ шепчетъ: „знаю!
„И вы узнаете меня...
„Давно ужъ васъ я презираю;
„Но вашу кровь пролить желаю
„Я только съ нынѣшняго дня!“

Стр. 331 Опущено два заключительныхъ стиха XII строфы:

Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

Стр. 335. Послѣ предпоследняго стиха: „Бываютъ люди: чувства — имъ страданья“, опущенъ стихъ:

Причуда злой судьбы ихъ бытіе . . .

Стр. 338. Послѣ стиха: „Вы возмутили нашу долю“ (въ XXI строфѣ), опущено пять слѣдующихъ стиховъ:

За то, что бѣдны мы и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной!
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!

Стр. 348. Опущены пять заключительныхъ стиховъ II строфы, которые читаются такъ:

Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ!
„Отмети, товарищъ!“ И въ одно мгновенье
(Достойное за смерть убійцы мщенье)
Простая саля, веселя ихъ взоръ,
Горить — черкесской вольности костеръ!

Стр. 369. Опущены четыре заключительные стиха XXIX строфы:

И еслибъ страшное мгновенье
Всѣ силы не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы провидѣнье . . .

Стр. 374. Опущенъ конецъ. Въ рукописи поэма
заключается слѣдующими стихами:

„И кто бы отгадалъ? — Джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоишь лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный — Измаилу
Отступнику не выроетъ могилу! . . .
Того, кто презиралъ людей и рокъ
Кто смертію игралъ такъ своеюравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой пророкъ! . . .
Пусть, не оплаканъ, онъ сгниетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!“ . . .

МАСКАРАДЪ.

Стр. 402. Послѣ перваго стиха: „Почти . . . онъ изъ
полка былъ выгнанъ за дуэль“, опущено пять
слѣдующихъ стиховъ:

Или за то, что не былъ на дуэли . . .
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга . . . Потомъ, лѣтъ черезъ пять,
    Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Стр. 409, стихъ 16:

Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта?

Стр. 412. Послѣ стиха: „Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ“, опущено два стиха:

И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.

Стр. 436, стихъ 18. Въмѣсто: *Прекрасный*, слѣдуетъ поставить — *небесный*.

Стр. 456, стихъ 2. Опущено окончаніе стиха, который въ рукописи читается такъ:

Не помню я — на балѣ, у обѣдни . . .

Стр. 471. Въ концѣ страницы опущено слѣдующее мѣсто:

БАРОНЕССА.

О, Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

Я говорю безъ лести . . .

А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

БАРОНЕССА (*упадаетъ въ кресла*).

Но вы безчеловѣчны!

АРБЕНИНЪ.

Да,

Ошибся, виновать: вы служите изъ чести!

(*Хочетъ идти.*)

Стр. 489, стихъ послѣдній. Въмѣсто: *ужасный судъ*, слѣдуетъ поставить: *свой страшный судъ*.

Стр. 190, стихъ 13:

Но я, я . . . нѣтъ, я не прощаю . . .

ВАРИАНТЪ:

Но я — не Богъ, и не прощаю . . .

Послѣдній способъ чтенія — вѣрнѣе.

Стр. 516. Послѣ стиха: „Твоей души — ее пойметъ лишь Богъ“, опущенъ стихъ:

Который сотворить одинъ такую могъ.

А. О. СМЕРНОВОЙ.

Стр. 602. Стихотвореніе это напечатано съ значительными пропусками и измѣненіями, такъ-что изъ шестнадцати стиховъ осталось всего восемь. Для ясности, помѣщаемъ означенное стихотвореніе, въ первомъ отдѣлѣ нашего изданія, вполнѣ и въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1858, No. 6, столб. 182), редація которыхъ имѣла полнѣйшій автографъ помянутаго стихотворенія, принадлежащій нынѣ г. Полуденскому.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

Стр. 622. Стихотвореніе: „Увы! какъ скученъ этотъ городъ!“ вошедшее въ составъ означеннаго письма, напечатано въ изданіи не вполнѣ, такъ-

же какъ и въ „Современникъ“ (1854, т. 43, отд. I, стр. 6), гдѣ оно появилось въ первый разъ. Для ясности помѣщаемъ его, въ первомъ отдѣлѣ нашего изданія, цѣликомъ какъ оно было напечатано въ „Колоколъ“ (1860, No. 72, стр. 598).

II.

Стихотворенія, напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ послѣднее изданіе „Сочиненій Лермонтова“.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(„Библіотека для Чтенія“, 1841, т. 64, No. 5, отд. I, стр. 8.) Стихотвореніе это было напечатано вмѣстѣ съ четырьмя другими стихотвореніями Лермонтова (Черноокой, Благодарю, Въ альбомъ (подражаніе Байрону) и Стансъ), вошедшими въ послѣднее изданіе „Сочиненій Лермонтова“ (т. II, стр. 85, 87 и 101).

КЪ Е . . . А . . . Ъ.

(„Библіотека для Чтенія“, 1844, т. 64, No. 6, отд. I, стр. 129). Перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1857, т. XI, No. 18, отд. I, стр. 407).

РОМАНСЪ.

(„Библиотека для Чтенія“, 1844, т. 64, No. 6, отд. I, стр. 131).

РАСКАЯНИЕ.

НЕБО И ЗВЪЗДЫ.

ЭЛЕГИЯ.

(„Библиотека для Чтенія“, 1845, т. 68, No. I, отд. I, стр. 5, 9 и 10.) Перепечатаны въ „Сочиненіяхъ Лермонтова“ (изданіе Смирдина, 1847, т. I, стр. 129 и 168). Эти три стихотворенія появились въ „Библиотекѣ“ вмѣстѣ съ восьмью другими стихотвореніями Лермонтова (На картину Рембранда, Къ другу, Волны и люди, 11 юля, Кавказъ, „Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей . . .“, „Нѣтъ, я не Байронъ, я другой . . .“ и „Отворите мнѣ темницу . . .“), вошедшими въ послѣднее изданіе „Сочиненій Лермонтова“ (т. I, стр. 85 т. II, стр. 93, 134, 166, 167, 172 и 173).

ПУСТЬ МІРЪ НАШЪ ПРЕКРАСЕНЪ . . .

КОГДА СТОЮ ПОДЪ ДРЕВНИМЪ СВОДОМЪ

ХРАМА . . .

(„Русскій Вѣстникъ“, 1856, т. IV, No. 14, отд. I, стр. 323 и 325.) Эти два стихотворенія и еще

третіе, начинающееся стихомъ: „А годы несутся . . .“, были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ примѣчаніемъ, что они сообщены редакціи ближайшей родственницей Лермонтова и принадлежать къ позднѣйшей порѣ его жизни. Впрочемъ это примѣчаніе не помѣшало стихотворенію „А годы несутся . . .“ оказаться впоследствии принадлежащимъ г. Розенгейму.

ЭКСПРОМТЪ.

(Русскій Вѣстникъ“, 1857, т. XI, No 18, отд. I, стр. 402.)

ПОСРЕДИ НЕБЕСНЫХЪ ТЪЛЪ . . .

(„Библиографическія Записки“, 1858, No. 20, столб. 634.) Стихотвореніе это списано съ автографа Лермонтова, слѣдовательно принадлежность его поэту несомнѣнна.

ЭКСПРОМТЪ М. И. Ц.

(„Атеней“, 1858, No. 48, стр. 303.) Перепечатанъ въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1859, No. 1, стр. 23). Экспромтъ этотъ сказанъ былъ Лермонтовымъ въ февралѣ 1838 года, при прощаньи

съ Михаиломъ Ивановичемъ Цейдлеромъ, товарищемъ по Гродненскому Гусарскому полку (нынѣ — нижегородскій полицмейстеръ), который тогда ѣхалъ на Кавказъ.

QUAND JE TE VOIS SOURIRE . . .

(„Библиографическія Записки“, 1859, No. I, столб. 23.)

КЪ КН. Л. Г . . . ОЙ.

(„Библиографическія Записки“, 1859 No. 12, столб. 383.)

КЪ НИНѢ.

ПЕРЧАТКА.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ.

ВСТРѢЧА.

КЪ *.

БАЛЛАДА.

(„Шиллеръ съ Переводъ Русскихъ Поэтовъ“, 1860, т. VIII, стр. 319—328.) Перепечатаны въ третьемъ изданіи „Шиллера“ (1862, т. I и II.) Всѣ эти шесть стихотвореній есть переводы изъ Шиллера, за исключеніемъ послѣдняго, которое только нѣсколько напоминаетъ балладу Шиллера „Водолазъ“, не будучи даже подражаніемъ. Стихотворе-

нія взяты издателемъ изъ ученическихъ тетрадей Лермонтова, принадлежащихъ нынѣ редактору „Отечественныхъ Записокъ“, А. А. Краевскому.

НАВОДНЕНИЕ.

ГРАФИНЪ МУСИНОЙ-ПУШИЦИНОЙ.

(„Русскій Вѣстникъ“, 1860, т. 26, No. 8, отд. II, стр. 387.) Сообщены М. Н. Лонгиновымъ.

ОНЪ БЫЛЪ ВЪ КРАЮ РОДНОМЪ . . .

(„Библиографическія Записки“, 1861, No. 1, столб. 19.) Сообщено П. А. Ефремовымъ.

ЦѢВНИЦА.

ПАНЪ.

(„Библиографическія Записки“, 1861, No. 16, столб. 487.) Стихотворенія эти, сообщенныя редакціи Н. В. Гербелемъ, были напечатаны съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора: „Печатая эти стихотворенія 14 лѣтняго поэта, мы желали бы знать: на чемъ основываетъ Н. В. Гербель принадлежность ихъ перу Лермонтова? „Въ отвѣтъ на это въ 18 No. того же журнала было помѣщено письмо г. Гербея, въ которомъ между прочимъ было сказано: „Означенныя стихотворенія взяты мною изъ учени-

ческихъ тетрадей Лермонтова, исписанныхъ съ начала до конца его рукою — и потому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ ихъ принадлежности перу Лермонтова. Означенныя тетради находятся въ настоящее время у А. А. Краевского, которому были доставлены послѣ смерти поэта его родственниками, и подробно описаны С. С. Дудышкинымъ въ его статьѣ: „Ученическія тетради Лермонтова“ (см. „Отечественныя Записки“, 1859, NNо. 7 и 11)“.

СЕНТЯБРЯ 28.

(„Библиографическія Записки“, 1861, No. 16, столб. 495.) Сообщено П. А. Ефремовымъ.

ЭПИГРАММА НА О. И. СЕНКОВСКАГО.

(„Библиографическія Записки“, 1861, No. 18, столб. 556.)

МОНГО.

(„Библиографическія Записки“, 1861, No. 20, столб. 653.) Эта небольшая поэма написана Лермонтовымъ вскорѣ по выпускѣ его изъ юнкерской школы въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Здѣсь описано истинное происшествіе, случившееся съ нимъ и его товарищемъ по школѣ и полку — Столыпинымъ, года два-три тому назадъ умершимъ въ Ве-

неціи. Монго — это Столыпипъ, Маёшка — Лермонтовъ. *Помѣщикъ изъ Казани* и *юная танцорка, дочь кузнеца* — также лица не вымышленыя и, кажется, даже здравствующія по сию пору. Поэма напечатана съ исключеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ, которые мы вставили.

Кромѣ исчисленныхъ выше стихотвореній, въ послѣднее изданіе „Сочиненій Лермонтова“ не вошли: „Списокъ съ черновыхъ тетрадей М. Ю. Лермонтова“ и „Новый очеркъ Демона“, напечатанныя П. А. Ефремовымъ въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1861, No. 18, столб. 556—563 и No. 20, столб. 643—653) и которые мы помѣщаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ и черновыхъ набросковъ.

III.

*Стихотворенія, напечатанныя здѣсь
въ первый разъ.*

КЪ НЕЭРЪ.

Это небольшое стихотвореніе принадлежитъ къ первымъ опытамъ нашего поэта.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Не смотря на всѣ наши старанья, мы не могли достать лучшаго списка этого замѣчательнаго стихотворенія, и потому печатаемъ его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ досталось. Надѣмся, что читатель, прочитавъ стихотвореніе, не обвинитъ насъ за то.

МОГИЛА БОЙЦА.

Также — молодое стихотвореніе.

БАЛЛАДА.

(Изъ Байрона.)

Баллада переведена размѣромъ подлинника.

ПЕТЕРГОФСКИЙ ПРАЗДНИКЪ.

Небольшой отрывокъ изъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1858, No. 12, стр. 374), но и онъ не вошелъ въ послѣднее собраніе сочиненій Лермонтова. Этотъ нескромный рассказъ написанъ Лермонтовымъ еще въ бытность его въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ 1834 году.

УЛАНША.

Несколько отрывковъ изъ этого стихотворнаго рассказа было напечатано П. А. Ефремовымъ въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1861, No. 16, стр. 492—494), и г. Меринскимъ въ „Атенеѣ“ (1858, No. 48). „Уланша“ написана въ одно время съ „Иетергофскимъ Праздникомъ“, въ 1834 году.

АЛЕК. АЛЕК. Ѡ . . . . ВУ.

Стихи эти написаны Лермонтовымъ по просьбѣ его родственника Шагирея, бывшаго въ 1836 году въ юнкерской школѣ. Эпитеты не выдуманы Лермон-

товымъ, но взяты отъ юнкеровъ, которые обзывали ими своего товарища. Они вездѣ писали ихъ съ его именемъ: въ отхожихъ мѣстахъ, въ спальняхъ и даже на оловянныхъ тарелкахъ, которые по-этому начальство велѣло перемѣнить. Бараномъ и мародеромъ назвалъ Ѳ . . . . ва Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ во время посѣщенія школы.

Ю ИЮЛЯ 1830 ГОДА.

Сохранилось только начало этого стихотворенія, весьма интереснаго по своему содержанию.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя	стрн. V
------------------------	------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЦѢЛЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШАЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА“.

Цевница	3
Папъ	5
<i>Ты зналъ ли дикій край</i>	6
Къ Нинѣ. Изъ Шиллера	7
Перчатка. Изъ Шиллера	9
Дитя въ люлькѣ. Изъ Шиллера	12
Встрѣча. Изъ Шиллера	13
Къ *	14
Баллада. Подражаніе Шиллеру	15
Къ Неарѣ	17
Предсказаніе	19
Могила бойца	20
Баллада. Изъ Байрона	22
<i>Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!</i>	24
<i>Она была прекрасна, какъ мечтање</i>	26
Экспромтъ	27

	стр.
Еврейская мелодія	28
Къ Е. А. Сушковой	29
Quand je te vois sourire	30
Раскаяніе	31
Элегія	33
Къ кн. Л. Г. . . . . ой	35
Небо и звѣзды	37
Романсъ	38
28 сентября	40
Петергофскій праздникъ	42
Уланша	49
Монго	54
Экспромтъ Михаилу Ивановичу Цейдлеру	66
Казоть. (Отрывокъ.)	67
Къ графинѣ Мусиной-Пушкиной	69
<i>Посреди небесныхъ тѣлъ</i>	70
<i>Онъ былъ въ краю свѣтомъ</i>	71
Начало стихотворенія: Наводненіе	73
<i>Пусть міръ нашъ прекрасенъ</i>	74
<i>Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма</i>	76
А. О. Смирновой	78
Эпиграмма на О. И. Сенковского	79
А. А. Ѳ. . . . . У	80
<i>Увы! какъ скученъ этотъ городъ</i>	81

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТРЫВКИ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ, НЕ ВОШЕДШИЕ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА“.

Новый очеркъ „Демона“	85
Списокъ съ черновыхъ тетрадей Лермонтова	104
10 іюля 1830 г. (Франц. революція.)	118

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ ЛЕРМОНТОВА.

I. Дополненія, варианты и примѣчанія къ послѣднему изданію „Сочиненій Лермонтова“	121
I. Стихотворенія, напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ послѣднее изданіе „Сочиненій Лермонтова“.	151
III. Стихотворенія, напечатанныя здѣсь въ первый разъ.	158
-

ВЪ ТИПОГРАФИИ РОЗЕНТАЛЯ И КО. ВЪ БЕРЛИНѢ,
August-Strasse 91. •
